

Слова — это не просто буквы и не просто звуки. Слова вышли из немых гортаней человека — из его чаяний, сомнений, молитв и жизненных необходимостей. Слова были обращены к Всевышнему.

Те люди, что рисовали мамонтов и сцены охоты на стенах пещер, уже тогда создавали прообразы церквей — мест, избранных Богом, мест молитвы и ожидания Спасения.

Слова — это электрические провода, это молнии, которые соединяют человека с Бесконечным Космосом, с Бессмертием.

Однако есть разные люди — и у них разные слова. У одних слова обращены к мелкому, банальному, краткосрочному, к наживе, к наполненному унитазу утром. У других — у тех, кто поставлен на грань жизни и смерти, слова обращены к Великому Космосу Бытия, к Всевышнему, к Бесконечному Сознанию. И борьба слов, и победа слов всегда происходят на базисном уровне — в основании мира.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЗВЕЗДА

Те, кто покупают и продают, получают тлен, ибо итог их работы — мусорные полигоны истории. А те, кто концентрирует свои молитвы на Бесконечности, получают Бессмертие. Где ваше внимание — там и ваша энергия. Так меняется мир. Так создаются смыслы. Так возникают смыслы бытия и лопаты, которыми хоронят тех, кто не способен проснуться с рассветом и увидеть радость Сущего. И эта сила — Божественная, эволюционная — меняет всё. Ибо эволюция, или Откровение-Генезис, — это сконцентрированная энергия, при-

готов расшириться, чтобы стало больше Радости и Любви. Чтобы тьма отступила. Чтобы её место занял Новый Рассвет.

В контексте сказанного можно вернуться к нашим суровым реалиям. В английском языке слово "дэд" означает "мёртвый". В русском языке оно созвучно с "дед" или "дети". Созвучие концентрирует внимание и энергию носителей смыслов, и потому они делают нас мёртвыми, уни-

чтобы быть на одной ноге с Всевышним. Гордыня выживших взбухла, как опухоль. Это вознеслось до иллюзорных небес. Ключевой смысл этого деяния был прост и страшен: не ради Бога — ради себя.

Сегодняшний капиталистический мир живёт ради себя, ради мёртвого. Человек смертен, и он строит цивилизацию по образу своей смерти. Пока это так, будут войны и убийства, ибо внеш-

БОЛЬ БЫВАЕТ РАЗНОЙ

Вот человек начинает говорить — рассуждать, требовать, объяснять, доказывать. А на заднем плане его жизни, возможно, только что умерли родители. Или банальнее: прорвало трубу в туалете, на кухне не работает газ, отключили электричество — нечего приготовить, нечего съесть, невозможно лечь и уснуть, чтобы хотя бы на несколько часов перестать чувствовать боль.

А боль бывает разной. Есть боль утраты. Есть боль оттого, что ты не смог продолжить вчерашний день. Есть боль от бессилия. И есть боль просто потому, что боль существует, — без причины, без объяснения, без имени.

И большинство людей живёт именно так: либо в утрате, либо

Люди просто не знали. Но их незнание не освободило их от последствий.

Так и рушится мир — не от катастроф, не от войны, а от внутренней глухоты человека, от его неспособности услышать боль — свою и чужую — прежде чем она превратится в пепел.

ЯЗЫК ПОБЕДЫ

В России говорят — "Победа". И слово это у нас особое. Народ его слышит, но не всегда разумеет глубину. Для русского человека Победа — это когда возносишься над бедой. Не просто превозмогаешь — а поднимаешься, очищаясь.

А на Западе — говорят "виктори". И звучит оно как будто звонко, но вслушайтесь: созвучно со словом "вишес" — "порочный", "жестокий". Словно сама

КОРДИЦЕПС УКРАИНИКУС

Гриб-зомби, тихий захватчик с невидимыми спорами, проник в самую плоть земли украинской. Он не пришёл с грохотом бронетехники, а просочился, как ядовитая роса, в лёгкие, в кровь, в сокровенную клетчатку народа. Споры — невидимые агенты влияния, крошечные чёрные программы — осели в телах, укоренились в душах, проросли в сознании.

И начал этот гриб свою неторопливую, страшную работу. Он не пожирал мозг, как вулгарный поп-культурный вымысел. Он был методичнее. Его белёсые гифы, тончайшая нейросеть паразита, оплели мускулатуру воли, опутали сухожилия духа. Он выделил ферменты идеологии, алкалоиды ненависти, перепиывающие код поведения. И двинулись заражённые — не люди уже, но биологические агенты, носители споровой программы.

Покидали они свои тёплые хаты и города, как одержимые восходили на высоты Донбасские, на скалистые Карпатские выси. Шли вооружённые, заряженные яростью чужеродной, с глазами, мутными от мицелия в мозгу. Шли защищать не Родину — защищать Гриб, который стал их новой Родиной, маткой и богом.

А затем наступала финальная, страшная фаза — синдром смертельного захвата. Украинцев в предсмертных судорогах мёртвой хваткой, под властью Гриба, впились пальцами-корнями в землю, пытались слиться с ландшафтом, стать частью почвы. Испустил последний вздох, застывал памятником самому себе — странным изваянием из плоти и отчаяния. И тогда из его груди, из глазниц, из разомкнутого рта пробивалось плодовое тело Гриба. Триумфальное, липкое, ядовитое тело Гриба наполняло кладбища и души вдов...

На очереди — следующие поколения украинских муравьёв.

Гриб эволюционно точен. Его вид — украинец. Его экосистема — душа славянская, расколотая и уязвимая. Он не убивает быстро. Он использует. Он превращает тело в биомеханизм, душу — в систему наведения, жизнь — в топливо для своего спорowego апокалипсиса. Это высшая форма паразитизма, где хозяин, умирая, славит паразита и роет могилу соседу.

Так и стоит теперь Украина — страна-зомби, страна-грибница, пронизанная насковью липкой чужой волей. Лес мёртвых тел, прорастающих в небо новыми ядовитыми ростками. Великая и страшная иллюстрация к тому, как можно убить народ. Как можно захватить страну, посадив гриб в сердце каждого её сына.

Дживан МУКТА

нявшая форму молитвы о выживании, о том, чтобы не хоронить любимых, о Бессмертии.

Настоящая молитва исходит из сердца — человеческого атомного реактора души, врат к источнику Бесконечности и Бессмертия, из человеческой звезды, из Солнца. Эта сила приходит к тем, кто готов меняться, чтобы вместить её. К тем, кто

вают нас, как это происходит на Украине. Украинская Буча для них — это "батчер", мясник, образ из западного фильма ужасов. Они живут в языке смерти, и потому порождают смерть.

Выжившие после Великого Потопа говорили на одном языке, у них был единый замысел. Эти люди решили построить Вавилонскую башню до небес,

ннее убийство — это всегда убийство внутреннего.

Господи, благослови тех, кто открывает свои глаза перед рассветом и молится о том, чтобы тьма отступила, чтобы смерть миновала, чтобы чаша сия была наполнена амброзией Бессмертия и молодильными яблоками, которые так и не вкусили Адам и Ева, но поддались подмене...

МЫ — ТВОРЦЫ

О предназначении русского человека

Божия действует в вас". Этот страх сподвигает бояться лишь одного — остаться без Бога: уснуть в Гефсиманском саду, впасть в маловерие во время шторма, не осмелиться ступить на воду, когда Он зовёт тебя.

Два страха борются за человека, воюют за его сердце, как тьма и свет. Любое слово и дело в мире определяется этой борьбой. Она не прекращается ни на миг, никому не обещает покоя. Но вот тёмный страх находит себе новое воплощение — искусственный интеллект. Новая тень на глухой стене растёт, скалится, гасит сполохи света.

Но здесь уже не только наша мнительность. Есть лукавые силы, которые умело овладели этим страхом: те, кто стремится сегодня к бессмертию любой ценой и в любой форме. В этой гонке они готовы обесмертить смерть, они согласны пребывать в мире, где не завершился даже первый день творения, где тьма ещё не отделилась от света.

Эти борборники вечной смерти говорят: "Если мы не можем обесмертить человеческое тело, то мы обесмертим языковую личность". Человек умирает, но от него остаётся сумма текстов и высказываний, личный сло-

варь, грамматический строй, набор суждений. Эту языковую сумму можно спросить о том, что человек не застал в своей земной жизни, и искусственный интеллект сгенерирует ответ.

Но не будут ли дурно пахнуть мёртвые слова? Не заилится ли живая река речи, если искусственно рождать суждения о настоящем из сказанного в прошлом? Так Достоевский и Толстой тоже могут заговорить о нашем веке. Да, они современны и одновременно нам. Они современны даже тому, чему ещё предстоит случиться. Но это благодаря живой одновременности и "надвременности" смыслов, а не слов. Смыслы одного человека через годы и века сделать живыми способны лишь другой человек, который тоже порождает смыслы. Бессмертная смерть оживляет оболочку, а не сущность. Любое рукотворное бессмертие — всегда прокрустово ложе. Оно отсекает от человека нечто — оболочку, внешний образ, действие, суждения — и говорит: "Се человек".

В этом дурмане пойдут и дальше: станут создавать целые лаборатории по языковому клонированию, возвращать жуткие словесные гибриды, скрещивая в текстах тех, кто при жизни были непримиримыми врагами. Героев и предателей, злодеев и праведников дерзнут слить воедино. И не будет в таком слове ни явной правды, ни явной лжи — одно лукавство. Неправедное бессмертие влечёт за собой неправедное рождение — мертворождение. И не придётся ли всем, кто это затевает, однажды, сокрушаясь, произнести: "Человек умер, потому что мы убили его. Человека не стало, потому что мы расчеловечили его?"

Но теперь дерзают не расчеловечить, а обезличить. Нужно было пройти долгий путь, чтобы человек стал личностью. И стал он ей только тогда, когда личностью стал Бог, когда Творец был осознан как живой собеседник. Античный Космос был холоден и далёк, безлик и безгласен. Абсолют не звал и не откликался. Славянский Перун и скандинавский Один сидели к человеку спиной, им

не было до него дела, их можно было умиловить, но от них невозможно было дожидаться любви.

"Стучите, и отворят вам", "Се, стою у двери и стучу" — вот диалог двух личностей: человеческой и Божественной. Не услышать однажды ответа на свой молитвенный стук, не открыть в завешенный час разделяющей двери — это и есть страх Божий в человеке, страх личности остаться без Личности. Потому посягательство искусственного интеллекта на языковую личность — а ведь прежде всего в языке проявляется как личность человек — это посягательство на Личность Божественную, на Слово, что было у Бога. Это провозглашение творчества без Творца. Это покушение на Адама, что выполнял в райском саду задание Бога: именовать всё сущее.

НЕМИНУЕМО перед человеком должен был открыться фронт, на котором ему предстояло выступить против бессмертной смерти. Этим полем брани стала Специальная военная операция. Борьба за исторические территории, за историческую правду, за память обернулась для нашего Отечества борьбой за человеческую личность. Человек, ведомый страхом Божиим, стал обретать мужество и опыт, не вменяемый ни в какой искусственный интеллект, стал порождать настоящее, в котором бывшие слова не компилируются, а преображаются. Действительность не остаётся нема, она отзывается на прежде неведомые смыслы, движется к ним, как к горизонту. "Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет".

Наступает час подлинного бессмертия. Жизнь ищет новые именованья для новых явлений, и оттого русский человек по-прежнему — языковторец. Он свидетельствует. Его язык не в завершённых словарях и не в суровых грамматиках, а в живой речи.

"И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово".

Михаил КИЛЬДЯШОВ

рыстный общественный энтузиазм, удивительная энергия которого позволила совершить грандиозный исторический рывок, увенчавшийся бессмертной Победой 1945-го, со временем превратилась в набор мертвящих схоластических формул. Словно вспыхнувшая сверхновая звезда, постепенно померкла, проваливаясь в чёрную дыру социального космоса. Марксизм, увы, не стал у нас, как мечталось В.И. Ленину, "вечно живым и творческим учением", что во многом сказалося на судьбе СССР. Но риску сделать предположение, которое едва ли может быть подкреплено точными методами социологической науки. Удержаться на краю пропасти, освободившись от морока перестройки, русская цивилизация смогла в том числе благодаря остаткам мировоззренческой компетенции, что чудом сохранились в тех слоях нашего общества, которые успели получить советское образование".

В рубрике "Стихия" опубликована поэма Александра Проханова "Священный холм". Раздел "Библиотекарь" знакомит с книгами Юрия Полякова "Ангел влияния. Пьесы", Александра Дугина "Феноменология Гегеля. Опыт трансверсальных интерпретаций", Леонида Ивашова и Анны Клименко "Москва — Третий Рим. Завершение истории или проект будущего?"

Справки по телефону 8 985 256-91-24

С М О Т Р И Т Е Л Е К А Н А Л «Д Е Н Ъ»

